

Исполнилось 170 лет со дня рождения классика украинской литературы, народного поэта, великого Кобзаря, как его называют, Тараса Григорьевича Шевченко. Популярность Т. Г. Шевченко всегда была так велика, что уже при жизни его в народе складывались о нем и ходили целые легенды, причем в основе большинства из них, несомненно, лежат реальные факты.

Историки и фольклорист Максимович писал Шевченко в Петербург из Михайловой горы: «Не забывайте нас и хоть изредка отзывайтесь и нам сюда, на берега Днепровские, где в окрестностях Михайловой горы вы оставили о себе живейшие и самые сердечные воспоминания. А на правой стороне Днепра вы стали лицом мифическим, о котором идут уже баснословия и легенды, наравне с преданиями старых времен».

Даже в самую смерть Т. Г. Шевченко не хотели верить. Один из современников поэта говорил: «Як ховали, то я був биля самой могилы; бачив — ховали труну (гроб) так черною клеенкою покрити, а чи він був в труни, чи не було, про те не знаю». Немного спустя, подумав, рассказчик решительно заявил: «Та ні, там его не було, він и доси живий десь ходить».

И действительно, мы тоже можем сказать: великий поэт не умер — он живет и будет жить с нами.

Публикуем воспоминания о Тарасе Шевченко сотрудников журнала «Киевская старина» за 1897 и 1900 годы и журнала «Огонек» 1904 года.

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

И СТЕЖЕЧКА, ГДЕ ТЫ ХОДИЛА

В Качановке, Черниговской губернии, писал журнал, поэт «часто и подолгу гостил, в сороковых годах, у тогдашнего владельца Качановки Г. С. Т., с которым был в переписке».

После ссылки Шевченко в первый раз приехал в Качановку в 1859 году, 21 августа, и не застал там хозяина, бывшего владельца Поток. Но в Качановке был его сын, студент, который, возвращаясь однажды из сада, увидел идущих ему навстречу двух человек, одного в длинном парусиновом кобеняке (украинская мужская верхняя одежда, род плаща с капюшоном. — В. С.), а за ним старика, знавшего Шевченко до ссылки. Сыну владельца было только семь лет, когда Тарас Григорьевич гостил в Потоках, но он вырос в семье, где почитание поэта было, так сказать, традиционным, а поэтому он увлекался его поэзией, много знал наизусть его стихотворений и питал глубокое уважение к личности поэта.

Неудивительно поэтому, что, когда подошедший в парусиновом кобеняке назвал себя Шевченко, оба бросились друг к другу в объятия. Для Шевченко эта встреча с юношей, которого он когда-то знал ребенком, была не менее радостна; она напомнила ему прошлое, как и вообще, быть может, самый приезд его в Качановку объясняется потребностью души его после сильных потрясений, при виде знакомых мест оглянуться на пройденный путь и воскресить в памяти те дни, которые относились к иной, более светлой поре его жизни. После обеда Тарас Григорьевич захотел погулять в саду. При выходе из дому он встретил многих служителей дворовых, собравшихся повидать Шевченко, так как они помнили его и любили. Тарас Григорьевич приветливо со всеми здоровался, с некоторыми обнимался и вспоминал о прежних своих посещениях Качановки. В продолжение всей прогулки поэт был задумчив и грустен; видно, перед ним проходили картины прошлого. В одном особенно живописном месте, на выступающей к пруду площадке, среди плоскогогорья он стал восторгаться видом и воскликнул: «Як умру, то тут поховайте мене». Этим словам, замечает журнал, конечно, нельзя придавать серьезного значения: они были произнесены под впечатлением окружающей чудной природы. В одном месте сын владельца попросил Тараса Григорьевича посадить ему на память молодой дубок (так как это было в августе, то деревцо было выкопано для верной посадки с землей). Шевченко, посадив дубок, пожелал: «Дай боже, щоб нам довелось колы небудь посидить в тиши его гилля».

Вернувшись с прогулки, которая для Тараса Григорьевича была сплошным переживанием минувшего, они оба растянулись перед домом на лугу, и студент стал декламировать поэту его же стихотворения, еще тогда не напечатанные. Тарас Григорьевич многих не помнил и почти за каждым стихом удивленно спрашивал: «Колы це я писав?». И луна взошла, ярко освещая все кругом, а они все еще лежали на полянке, предаваясь поэзии и восторгаясь украинской ночью.

Пришедши в залу, где был накрыт ужин, Тарас Григорьевич попросил дать ему альбом, выразив желание написать что-нибудь на память о своем посещении

Качановки. Альбом был тотчас принесен, и Тарас Григорьевич начертил в нем только две строки:

И стежечка, де ты ходила,
Колчым терном поросла.

1859 года, 21 августа, Качановка.

ТАМ, ГДЕ ОН ЖИЛ

«4 мая 1899 года я приехал случайно в Форт-Александровск, бывшее укрепление Ново-Петровское, место ссылки Т. Г. Шевченко. Более 40 лет прошло с тех пор, как уехал отсюда Тарас Григорьевич, но место это представляет и донныне такой же безрадостный уголок, каким изобразил его много лет тому назад сам Шевченко.

Расположенное на высокой скале, резко возвышающейся над степью, укрепление имеет вид какого-то горного гнезда. У подножья скалы развилось небольшое русско-армянское поселение, а на самом берегу моря, верстах в 3-х от форта, раскинулась большая рыбацкая станица, начало которой современно постройке укрепления. По степи и в ложинах окрестных холмов видны кибитки кочующих киргизов. Кругом ни кустика, ни деревца. Мертвую природу оживляет только запущенный сад, но происхождение сада связано с именем Шевченко, — следовательно, и его не было в то время, когда приехал сюда Тарас Григорьевич.

Мертвая, унылая, безотрадная природа! Постоянный ветер да грозный гул морского прибоя только и говорят вам о жизни природы. Продолжительное пребывание в этом забытом углу может служить большим наказанием, даже не принимая во внимание всех ужасных, стеснительных условий, в которых находился наш поэт.

Из старожилов станицы, современников Шевченко, остались в живых только казак Андрей Михайлович Перепелюков, столетний старец, да супруги Филат Осипович и Александра Степановна Сухоруковы.

Первым делом я, конечно, навестил этих старцев, пишет автор корреспонденции, но, к сожалению, воспоминания их относительно Шевченко очень смутны...

С разрешения местного воинского начальника я пересмотрел старый заброшенный архив укрепления. Здесь в обрывке описи дел (1847—1852 гг.) значится в 1850 г. под № 122 «Дело о прибытии из г. Уральска политического преступника Шевченко», но ни этого дела, ни вообще дел, специально посвященных Шевченко, не оказалось.

Не найдя дел, касающихся Шевченко, я обратился к постовым ведомостям, с целью выяснить, как нес солдатскую службу Шевченко... В 1852 году Шевченко отбыл 63 караула, наравне со всеми нижними чинами... Мы не раз в постовых ведомостях видим записи, сделанные рукой Шевченко в те дни, когда он был часовым. И немудрено: между начальствующими нижними чинами попадались такие, которым письмом давалось с большим трудом, и, конечно, поручить записать ведомость умеющему хорошо писать человеку было для них большим счастьем.

Еще одно замечание. Несколько раз в постовых ведомостях мы видим запись «Тарас Григорьевич», «Тарас Шевченко». Запись часового по имени и отчеству показывает, что такое обращение к Шевченко со стороны нижних чинов было обычным, а следовательно, «рядовой Шевченко» в 1852 году, будучи еще сравнительно «молодым солдатом», пользовался

уже уважением своих сотоварищей и даже ближайших начальников. Обращение по имени и отчеству к унтер-офицерам — обычно, но такое обращение к рядовому, да еще со стороны ефрейтора или унтер-офицера (они ведут записи в постовых ведомостях) — редкость большая...

В заключение несколько слов о саде Шевченко. Этот сад является единственным приютом отдохновения обывателей Форта-Александровска от жары и вида безотрадной природы. В саду показывают землянку Шевченко... Перед землянкой, пишет в заключение автор корреспонденции, стоят две толстые старые вербы. Быть может, одна из них есть посаженная Шевченко палка?».

ДО СИХ ПОР СЛЫШУ ГОЛОС

«Путешествуя в этом году по разным губерниям России, я побывал и в своей «Черниговщине», где незабвенный поэт

руках, доглядать, щоб, часом буває, я не втик. А той — знай собі — ходе по надямой, та, як дурень, мялом махає. И хоч бы тоби слово з уст випустив, — неначе воды в рот набрав. Должно быть ему не велено було зо мною балакати. А потым того поперлы мене на Кавказ, де я цилых девять роки в вирой и правдой служив...».

«Та видали ж, видали», — смеялся становой пристав, намекая на портрет Тараса Григорьевича в солдатской шинели, в кандалах и при кавказской обстановке с надписью «Як бачите», который тут же на стене и висел. Этот портрет Тарас Григорьевич нарисовал и каким-то хитрым путем прислал... с Кавказа как раз в то время, когда от всех почему-то скрывалось, где он и что с ним, и в особенности, что он в солдатах. Тарас Григорьевич на минуту поднял глаза к портрету, и я заметил, как его брови слегка шевельнулись и дрогнули седоватые усы...



Автопортрет.

Тарас Шевченко когда-то имел «щирых» друзей.

Родные берега красавицы Десны и живописно-уютный древний Новгород-Северск стоят в той же неприкосновенной и архаической красоте, в какой знал их еще в пору детства.

В Шостке, первой железнодорожной станции от Пироговки по направлению к Конотопу, мне удалось в одной семье встретить популярную в губернии личность, Григория Лаврентьевича Шевченко, родственника поэта.

Седой, с подстриженной бородкой, с карими привлекливыми глазами, симпатичный старик охотно вступил со мной в разговор. И даже попозиловал мне: я сделал с него карандашный набросок.

— Говорят, вы родственник Тараса Григорьевича?

— А як же: его батько и мой дед были двоюродными братьями.

— Вы его видели?

— Тараса Григорьевича? Бачив. Мне тогда было лет двадцать с чем-то. У Забеллы это случилось, в хуторе Сороче, около Борзны.

По лицу старика пробежала улыбка, чуть заметно вздрагивали седые подстриженные усы. Я залюбовался им: какой симпатичный, хороший дид!

— Помню, как он приехал из Борзны на лошадах Забеллы, — говорил старик с оживлением. — В армяке, в барашковой шапке. Не могу только вспомнить, когда это было, весной или осенью. Холодно было и грязно. У Забеллы тогда были гости: помещик Кандыба, шаповаловский священник и оттуда же становой пристав Безухий. Позвал меня Забелло в свою комнату и подел к Тарасу Григорьевичу: «Дивись, твой дядько вернувся. Бач — який». А ему сказал: «Це Лаврентиев сын, тоби племянник». Тарас Григорьевич меня поцеловал и, узнав, что я уже женат, шутливо ругнул, потом стал расспрашивать о родичах. За столом Тарас Григорьевич рассказывал, как он был в ссылке. «Перш посадили мене у якусь яму, хай бы вона була згинула! И над ней поставили черного, як сатана в пекли, сторожа з горбатым носом и з мялом в

Так врезался в память, что живым стоит перед моими глазами и теперь. И голос его до сих пор слышу...».

ТАКИХ ПОЭТОВ НЕ ЗАБЫВАЮТ

Широкоплечий, приземистый, коренастый, Шевченко являл весь облик казака, с заметными следами солдатской выправки и ломки. Голова остроносовая, почти лысая; высокий, морщинистый лоб, широкий, так называемый «утиный» нос, густые усы, закрывающие губы; небольшие серые глаза, взгляд которых, большей частью угрюмый и недоверчивый, изредка принимал выражение ласковое, почти нежное, сопровождаемое хорошей, доброй улыбкой; голос несколько хриплый, выговор чисто русский, движения спокойные, походка степенная, фигура мешковатая и мало изящная. Вот какими чертами запечатлелась у меня в памяти эта замечательная личность. С высокой бараньей шапкой на голове, в длинной темно-серой чуйке с воротником из черных перлушек, Шевченко глядел истым малоросом, хохлом; оставшиеся после него портреты дают вообще верное о нем понятие.

Нам всем, тогдашним литераторам, хорошо было известно, какая злая судьба тяготела над этим человеком; талант его привлекал нас своею оригинальностью и силой... Самолюбие в Шевченко было очень сильное и очень наивное в то же время: без этого самолюбия, без веры в свое призвание он неизбежно погиб бы в своем закатном изгнании... При всем самолюбии в нем была неподдельная скромность. Однажды на мой вопрос: какому автору мне следует читать, чтобы поскорее выучиться малороссийскому языку? — он с живостью отвечал: «Марко Вовчка! Он один владеет нашей речью!».

Вообще у него была натура страстная, необузданная, сдавленная, но не сломленная судьбою, простоявший, поэт и патриот.

Иван ТУРГЕНЕВ.

Он — поэт совершенно народный... У Шевченко... весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом, и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан.

Николай ДОБРОЛЮБОВ.

Он был крестьянский сын и стал князем в царстве духа. Он был крепостным и стал великой силой в громаде людских культур.

Иван ФРАНКО.

Такие поэты, как Шевченко, никогда не забываются народом. (Из редакционной статьи по поводу смерти Шевченко, опубликованной в журнале «Время», который издавал Федор ДОСТОЕВСКИЙ).

Значение Шевченко известно всякому, кто любил родное славянское слово и был доступен чему-нибудь высокому, изящному... Любимейшая мечта поэта сбылась и громко заявила свое существование. Малороссийское слово приобрело право гражданства, раздавшись впервые в форме ораторской речи над гробом Шевченко... У малороссийского народа, слава богу, есть теперь своя литература, есть свои ораторы, свои историки, но теперь нет у нее такого лирика, каков бы покойный Тарас Григорьевич Шевченко, справедливо названный в одной из сказанных над его гробом речей «батьком ридного слова».

Николай ЛЕСКОВ.

Публикацию подготовил Владимир СУРМИЛО.